

«ИСТОРИЯ СЕМЬИ ЖИДКИХ ПОМОРСКОГО СЕЛА КАНДАЛАКША» КАК ИСТОРИКО-ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

«История семьи Жидких» представляет собой хроникальное семейно-историческое повествование. В нем переплетаются конкретное родословие и семейная история конца XIX – начала XXI вв. с историей одного поморского села. С одной стороны, эта история локальна – и в смысле привязанности к одному месту, и в отношении отдельно взятой родственной общности как основного «действующего лица». С другой стороны, перед нами пример «микроистории», которая позволяет через отдельный феномен и судьбы людей проследить глобальные социально-экономические процессы в стране на протяжении прошедшего века, а также глубокие сдвиги, касающиеся локальных культур России.

Характер освещения событий и повседневной жизни людей в данном мемуарном историческом повествовании определяется: а) его целевым назначением и жанром, б) автором, который является не профессиональным историком, а представителем самой локальной общности. Особенностью источников этого вида является то, что они хорошо передают субъективное восприятие происходившего и содержат подробности, известные лишь самим участникам. Автор выступает не остраненным историком и бытописателем, а членом «помнящих общинностей» – семейно-родственной и сельской. Исторический опыт и его переживание («социальная память») объединяют группу и отличают от других таких же групп. В последние десятилетия подобные мемуарные источники приобрели для историков особую ценность, так как они способствуют не столько более точной фиксации фактов и обстоятельств, сколько пониманию их смысла «изнутри». Вопросам социальной памяти, способам ее сохранения и воссоздания, роли в конструировании национальной истории посвящено на сегодняшний день много исследований [Нора, 1999; Ассман, 2004; Брагина, 2007; Хальбвакс, 2007 и др.].

Как пишет французский историк П. Нора, в поворотные моменты «ускорения истории», когда многое быстро предается забвению, особенно необходимыми становятся «места памяти» в виде вещественных свидетельств, ритуалов, памятников, музеиных собраний, письменных текстов и т.п. [Нора, 1999, с.17-18]. Важную роль в процессе закрепления памяти и превращения ее в «историю» играет пространство. Оно имеет первостепенное значение для локальных групп и выступает как сцена совместной деятельности, символ идентичности и опорный пункт воспоминания [Ассман, 2004, с.40]. Для обозначения связи между памятью общности и местом исследователи используют, в частности, понятие «ландшафта памяти» («memoriescape») [Головко, Швайтцер, 2001]. В нашем случае таким ландшафтом памяти является Кандалакша, которая образно характеризуется автором как «одно из древних поселений на Кольской земле», «дверь в просторы Кольского полуострова», «старинное поморское селение». Одновременно Кандалакша выступает не только частью, но и «типичным представителем» более обширного культурно-

цельного ареала – Беломорья. Как определяет Г.Ф. Белошицкая, это «*край сильных, мужественных людей, воспитанных морем*».

Характеризуя родных, односельчан, те или иные элементы быта, автор чаще всего использует обозначения «помор», «поморский». Самосознание поморов, до настоящего времени отличающее потомков коренных фамилий побережий Белого моря, основывается на специфике традиционных занятий, быта, всего культурного комплекса рыболовческого населения. По мнению авторитетного исследователя истории и культуры Поморья Т.А. Бернштам, «поморское самосознание ранее всего развились не в восточнопоморских районах, входивших в Двинскую землю, а у жителей побережья Кандалакшского залива и северо-западной части Карельского берега (Кереть), т.е. в северо-западном Поморье. Термин «помор» <...> впервые появился здесь в среде населения, освоившего и развившего вместе с соседними народами океанский промысел на западном побережье Мурмана» [Бернштам, 2009, с.19]. В письменных источниках он также появился ранее всего «применительно к жителям именно Кандалакшской губы (1526 г.), но уже в XIX в., по письменным свидетельствам, он не употреблялся здесь в качестве самоназвания и встречался только как название жителей Беломорского побережья от г.Кеми до г.Архангельска» [Бернштам, Лапин, 1972, с.19]. По данным экспедиционных исследований начала 1970-х гг., поморское самосознание населения Кандалакшского берега было выражено слабее, чем, например, у жителей Карельского и некоторых других берегов. Этнографы отмечали: «В настоящее время поморы «сливаются с массивом северорусского населения; «поморская» (морская) культурно-бытовая специфика в большей степени и во многих местах уступает место «лесной» специфике (развитие лесной промышленности, появление лесных поселков нового типа, превращение старых поморских сел в лесные поселки и т.п.)» [Там же, с.18]. Надо полагать, поморская идентичность дольше сохранялась (и отчасти сохраняется) у потомков тех семей, которые до относительно недавнего времени поддерживали отдельные черты поморского хозяйственного уклада, занимаясь рыболовством. А когда такой возможности не стало, поморская идентичность начала сохраняться как память членов семейно-родственной группы и одно из оснований ее солидарности.

Цель написания семейной истории – закрепить воспоминания и соединить разрозненные документальные свидетельства в единую цепь с тем, чтобы оставить потомкам, прежде всего своего рода, его коллективный портрет во времени. Такое повествование всегда выполняет четкие образовательные и воспитательные задачи. В нем сильно выражено нравственное начало. В данном случае оно формулируется в первых и заключительных строках. Семейная история патриотична и пишется для того, «*чтобы потомки знали, помнили, где они живут. Знали историю своего родного края, любили его*». У Кандалакши, как пишет Г.Ф. Белошицкая, «*своя интересная и богатая история становления и развития мирного труда и борьбы с иноземными захватчиками. Каждая страница прошлого доносит до сегодняшнего дня человека, любящего свою Родину, человека – труженика моря*».

Жанр генеалогической хроники предполагает акцент на «истоках» предыстории и происхождении. Рассказ о родине предков или просто указание на местность их проживания или «исхода» (для переселенческих семей) – это типичное начало устных и письменных семейных воспоминаний (подробнее см.:

[Разумова, 2001, с.187-193]). Для укорененных родов их собственные истоки неотделимы от местности проживания. Это хорошо демонстрирует «История семьи Жидких», которая начинается со сведений об истории освоения края и основания Кандалакши. Автор обращается к историко-краеведческой литературе, приводит выписки и цитаты. В нескольких случаях потребовалось обращение к архивным документам; сведения в Государственном архиве Мурманской области уточняла В.И. Конева. При составлении примечаний к тексту мы постарались разыскать и сверить упоминаемые Г.Ф. Белошицкой и дополнительные опубликованные источники. Эта работа позволила поставить ряд источниковедческих вопросов, увидеть расхождения источников, проследить их преемственность.

История Кандалакши не является «белым пятном» в науке благодаря трудам и публикациям отечественных исследователей и их западных коллег (см. Примечания и библиографию). Тем не менее, рассматривалась она фрагментарно и, как правило, в связи с другими аспектами истории Беломорья. Монографическая история Кандалакши представлена только в одной небольшой историко-краеведческой книге, опубликованной в двух версиях с интервалом почти в четверть века и адресованной широкому кругу читателей [Кузьмин, Разин, 1968; Разин, 1991]. Одной из причин такого положения дел, как верно указывает автор этой книги, является изменение административной принадлежности Кандалакши (в состав Мурманской области она вошла в 1938 г., до этого относилась к Карелии, Архангельской губернии), с чем связаны и проблемы архивного поиска, и периферийный статус на карте исследований. Варьируют в широком диапазоне предположения о времени появления поселения на месте нынешней Кандалакши (граница – XI в.). Является предметом обсуждения исследователей название поселения, чаще всего его связывают с саамскими или карельскими корнями. В последнее время дискуссионными стали вопросы христианизации территории, обстоятельств и датировки строительства православного храма в Кандалакше, роли Феодорита Кольского в этом процессе – проблемы, связанные с основанием и развитием поселения. Чаще всего упоминания о Кандалакше и сведения о ней в исторической литературе приводятся в связи с новгородской колонизацией, деятельностью Кандалакшского монастыря (существовавшего до середины XVIII в.), нападениями и разграблениями поселения шведами, поляками, литовцами в XVI-XVII вв., военными действиями англичан в Беломорье во время Крымской войны 1854-1855 гг. Именно с последним событием связан попавший в историю эпизод с участием представителя рода Жидких (Филиппа), судно которого было захвачено и разграблено неприятелем [Ушаков, 1972, с.261-262; Фруменков, 1975, с.123; Давыдов, Попов, 2005]. Это происшествие с небольшими разноточениями изложено в исторической литературе (см. Примечания). В семейной «летописи» А.Ф. Белошицкой датировка истории начинается с 1854 г., так как под этим годом в российской историографии появился член рода Жидких. По архивным же данным семье удалось пока восстановить родословные сведения с XVIII в. По крайней мере, можно предположить, что первый известный на данный момент предок по фамилии Жидких, проживавший в Кандалакше, был ок. 1720 года рождения. В семейном архиве находится ценный документ – список священнослужителей церкви Иоанна Предтечи села Кандалакша, начиная с 1763 г. По крайней мере, до

середины XIX в. почти все они были представители одной из ветвей рода по линии бабушки – А.Ф. Жидких, в девичестве Плотниковой. Последним, репрессированным, церковным старостой, при котором закрывали церкви, также был близкий родственник, бабушкин двоюродный брат. Другой редкий исторический документ – брачный договор («обыск») 1904 г., составленный при бракосочетании прародителей Г.Ф. Белошицкой.

В настоящее время мало таких семей, память которых в виде «живого предания» сохраняет события первой трети XX века. Согласно теоретическим исследованиям [Vansina, 1985], которые во многом подтверждаются современными материалами по российским семьям Мурманской области и Северо-Западного региона [Разумова, 2001; Разумова, Сулейманова, 2007 и др.], граница семейной памяти распространяется примерно на 80 лет вглубь и она дрейфует – в соответствии с тем, как уходят из жизни представители поколений. Для большинства российских семей такой границей являются 1930-1950-е гг. Остальное реконструируется, в лучшем случае, по вещественным свидетельствам – фотографиям, семейным реликвиям, архивным и хранящимся дома документам. В семье Жидких устные свидетельства удержали ценную биографическую информацию середины XIX в. – о прародителе Филиппе Жидких, его плениении англичанами, возвращении на родину и гибели в море.

Естественно, что сведения о предках-мужчинах, которые участвовали в войнах, составляют значительную часть любой семейной истории. Войны являются важнейшими событиями национального прошлого, причастность к ним всегда делает родственников «историческими личностями». Воевал и другой представитель рода, Евдоким Иванович Жидких – участник боевых действий в Маньчжурии в годы Русско-японской войны начала прошлого века и Первой мировой войны. «Большая история» запоминается через эпизоды частной жизни, связанные, в первую очередь, с переживанием основных семейных событий, в данном случае это расставание близких в исключительных обстоятельствах. Семейная история сохранила женский взгляд на происходившее, поэтому закономерно, что в памяти, во-первых, основное место заняли эпизоды проводов и возвращений воинов, во-вторых, усилен религиозно-этический смысл событий и присутствуют мифологические мотивы. Так, перед Великой Отечественной войной бабушке мемуаристки приснился сон с предсказанием «большой беды» и советом молиться. Этот мотив хорошо известен тем, кто занимается устной историей войн. Характерно, что предсказание и совет исходят от умершей бабушки визионера. Покойные предки, как правило, сняты для того, чтобы предостеречь и помочь.

Война всегда воспринимается как время и пространство смерти. Для каждой семьи это кризисное событие. Существует традиция рассказывания о войне, ее переживании [Минц, 1964; Чередникова, 1992; Разумова, 2002 и др.]. В контексте страшного времени многое приобретает символический смысл. Именно так в нашем повествовании рассказана история о деде, который по молитве и обету выжил в Русско-японской войне, но обет не выполнил и не вернулся с Первой мировой. Характерно, что, помня про невыполненный обет, смерть свою он предсказал сам. В связи с этим трагическим семейным событием возникают мотивы мужской дружбы и воинской клятвы земляков, женской верности вдовы, которая ждала мужа всю жизнь. Героем Первой мировой войны (по семейному преданию, кавалером Георгиевского креста) был также дед

Г.Ф. Белошицкой по материнской линии Михаил Максимович Дурынин, уроженец села Умба Терского берега. Галина Федоровна любит повторять и неоднократно отмечает в «Истории семьи», что отсутствие погибших среди близких родственников в годы Великой Отечественной войны – заслуга женщин, которые за них молились, в первую очередь ее бабушки. Это утверждение доказывается «чудесным спасением» от мобилизации Федора и Павла Жидких – отца и дяди Г.Ф. Белошицкой, которые в годы войны трудились в прифронтовой Кандалакше.

Семейное историческое повествование имеет сложную временную структуру. С одной стороны, оно предполагает прямую хронологическую последовательность. С другой стороны, история рода выстраивается по биографическому принципу, что не может не нарушать такой последовательности. Каждая биография представляет собой относительно самостоятельный очерк. Линии жизни действующих лиц проходят через цепь определенных исторических событий, которые по-разному преломляются сквозь их призму. Если читать текст глазами историка, можно увидеть, как в описаниях персональных судеб одни и те же обстоятельства и события варьируют и дополняют друг друга. Тем самым создается своеобразный портрет того или иного времени. Так жизненный опыт отдельно взятой семьи «позволяет уловить конкретный облик глобальной истории» [Ревель, 1996, с.118].

Все, что касается истории Кандалакши, является частью коллективной семейной биографии. В советской историографии, если суммировать имеющуюся литературу, старинное рыболовецкое село Кандалакша, наряду с новыми строящимися городами, начало ассоциироваться исключительно с промышленным освоением Севера. После войны, революции 1917 года, интервенции, которые в полной мере оказались на судьбах жителей, Кандалакша представляла собой «убогое рыбачье селение», по высказыванию (думается, не вполне справедливому) журналиста одной московской газеты [цит. по: Разин, 1991, с.85-86]. Основными вехами ее развития стали строительство Мурманской железной дороги и превращение в крупный железнодорожный узел, строительство нескольких промышленных предприятий и особенно – возведение каскада Нивских гидроэлектростанций. Нивские ГЭС – один из символов советской индустриализации. В районе вырос крупный лесозавод, был создан первый на Севере консервный завод, строились другие предприятия; главной же стала профессия железнодорожника. Менялась жизнь рыбаков, которых объединяли в артели. Приезжие писатели и журналисты предвидели светлое будущее Кандалакши: «Быть может, лет этак через десять человек, приехавший в Кандалакшу, крупный экономический центр... застав на месте приземистого поселка заправский город, нисколько не будет этим удивлен. Таким стал порядок вещей в советском государстве – превращать места, не значащиеся на географической карте, в крупные промышленные и заводские центры, строить на пустырях новые города» [Поляновский, 1931, с.205]. Сначала село превратилось в рабочий поселок, а затем получило статус города, войдя в 1938 г. в состав Мурманской области. Росло население, но по существу Кандалакша не была городом – ни по инфраструктуре, ни по застройке, ни по составу жителей. Не случайно Г.Ф. Белошицкая, очевидно, как и другие старожилы, называет Кандалакшу только селом даже тогда, когда речь идет о времени ее детства и отрочества – послевоенных годах и городском этапе жизни поселения.

Для крепкой, трудовой и экономически благополучной поморской семьи 1920-1930-е годы оказываются временем очень тяжелым. Описывается этот период, прежде всего, через биографию бабушки. В одном ряду трагических для семьи событий оказываются экономический крах, смерти близких и страх репрессий: «Жизнь обходилась круто. В 20-х годах была денежная реформа и у бабушки пропали все накопления, которые были на тот момент. А денег было немало, она накопила на кирпичный дом для сыновей. Вот тогда бабушка единственный раз в жизни слегла <...>. Потом пришлось хоронить родителей, всех братьев и их жен. Потом началась коллективизация, раскулачивание. Местный комитет посчитал нашу бабушку середнячкой, и готовились к раскулачиванию и высылке». Спасение приходит в лице родственника, который тайно предупредил семью и дал практичный совет, как избежать несчастья. Это не единственный пример того, как в сложной ситуации людей выручала родственная и соседская солидарность. Чем выше оказывалась такая солидарность, тем успешнее удавалось семьям противостоять внешнему давлению. Этот случай хорошо выявляет адаптивные возможности родственных общностей, которые чем-то (или, скорее, кем-то) жертвуют во имя сохранения себя как целого. «Жертвой» в данном случае было добровольное вступление в колхоз одного из членов семьи, что и было принято обеими сторонами.

Самым страшным в кризисные периоды является распад сплоченного сельского общества, которое держится на «теплых» отношениях и взаимовыручке. Г.Ф. Белошицкая так оценивает те годы: «Дыхание этих лет иногда отдавало таким смертельным холодом, что людям абсолютно далеким от политических разборок становилось жутко». Иллюстрацией служит рассказ о том, как племянник не выдал дядю, на которого донес односельчанин. Такое естественное поведение контрастирует с противоестественной ситуацией, когда близкие люди выступают в разных, но равно «кriminalных» (ненормативных) ролях: «Все трое односельчане, знают друг друга до третьего-четвертого колена и даже дальше. И надо же! Один – обвиняемый, один – свидетель, один – предатель».

Семейные мемуары дают представление о том, как реально могло осуществляться объединение в колхозы в конкретных случаях. Г.Ф. Белошицкая описывает экономическое состояние семьи до и после колхозной реформы. К периоду Первой мировой войны хозяйство составляли корова, две лошади, олени, овцы, а также невод и рыболовное судно на Мурманском (Баренцевом) берегу, сдача в аренду которых приносила доход. О материальном положении поморских семей в начале прошлого века свидетельствует и состав бабушкиного приданого: «Одних только кашемировых сарафанов 60 штук (из одного сарафана можно было сшить 2 платья), банка речного жемчуга, золотые кольца и сережки, шелковые шали», предположительно 12 оленей и т.д. Поскольку семья не подверглась раскулачиванию, ее имущество было «распределено» между колхозным и личным хозяйствами: колхоз забрал лошадь, корову, оленей, часть овец, шняку, невод; в семейном пользовании остались корова, овцы, лодка, сети. От всех накоплений остались «несколько сарафанов, полуshalков и золотых изделий». Таким образом, благодаря мудрой и гибкой экономической политике семьи, ей удалось сохранить какие-то средства жизнеобеспечения и поддерживать еще в течение нескольких десятилетий относительную стабильность крестьянского уклада. У состоятельной поморской

семьи могли быть и другие сценарии развития событий. Так, по сведениям, которые приводит И.Б. Циркунов, в селе Поря губа одну семью зажиточного крестьянина «ликвидировали как класс», другая семья (председателя сельсовета) из шести человек «оказалась на улице», в третьем же («счастливом») случае местные власти милостиво вычеркнули из списка кулаков, «ввиду малого сожительства с мужем», вдову зажиточного хозяина с двумя детьми [Циркунов, 1998, с.77, 79].

Одновременно новая социально-политическая ситуация, качественно понизив экономический статус рыболовецких семей, значительно способствовала социальной мобильности молодого поколения (родительского – для автора мемуаров). Стремясь получить образование, они приобретали новые профессии: механика, моториста, траммейстера, связиста, электрика и т.д. Жидких относились к категории семей, ориентированных на культурное развитие. В частности, у них была установка на получение образования, и оно у членов семьи становилось выше от поколения к поколению. Однако, несмотря на то, что члены семьи приобретали разные, большей частью рабочие, профессии, они на протяжении десятилетий продолжали заниматься традиционным делом предков. При этом в поморских семьях сочетали работу на государственных предприятиях или в колхозе с домашним трудом по жизнеобеспечению. Так продолжалось и в послевоенные годы: *«Все мужчины села отправлялись на рыбалку после трудового дня на производстве. Перекусив дома, собирали снасти в лодку и на веслах (в последнее время на подвесных моторах) отправлялись к месту рыбной ловли. <...>. С уловом отправлялись в обратный путь, дома удавалось подремать часок и на работу».* О режиме труда на государственных предприятиях и в колхозах в известный период времени лучше любых документов свидетельствует факт: женщину, имеющую грудного шестимесячного ребенка, отправляют в рыболовецкую бригаду за много километров от дома, и по ночам, под ответственность родственника-бригадира, она тайно бегает домой кормить младенца. Именно так было с мамой Г.Ф. Белошицкой.

«Море нас кормило», – эти слова относятся ко всем временам жизни поморов. Рыболовство, вопреки всем запретам власти на частный лов, помогло многим семьям выжить в войну и в голодные послевоенные годы. О жизни прифронтовой Кандалакши с разной степенью подробности сообщается в историко-краеведческой литературе [Разин, 1991, с.100-118; Киселев, 1974, с.329-332]. Благодаря воспоминаниям секретаря кандалакшского горкома партии Г.В. Елисеева, имеется ценный источник по истории города в годы Великой Отечественной войны [Елисеев, 1985]. В документальной исторической литературе рассказывается о том, что происходило на театре военных действий, как воевали партизаны, как самоотверженно, часто под бомбёжками, работали железнодорожники, об эвакуационных мероприятиях и т.п. Меньше всего информации о том, где и как осуществлялся лов рыбы в военных условиях. Партийный руководитель, автор книги о Кандалакше в годы войны, ограничивается замечанием: «Не очень щедрым, но зато постоянным источником продовольственных ресурсов были в войну реки и озера. Я имею в виду лов рыбы. Случалось, что добывали ее неразумно, с помощью взрывчатки, но рыбинспекция, понимая положение, не всегда прибегала к санкциям. Но и тогда, в войну, инспектора были строги и неумолимы, если речь шла

о браконьерстве семги и сельди в Кандалакшском заливе и на реке Ниве» [Там же, с.62-63]. Таким образом, о морском рыболовстве речь идет только в связи с «браконьерством». К сожалению, из поля зрения историков обычно выпадают обстоятельства, связанные с людьми, которые оказались на время за пределами своего района, будь то производственная необходимость или эвакуация. Всю войну работали рыбаки на гражданских рыболовецких судах, которые не были защищены от вражеских бомбёжек и мин, занимались ловом в Баренцевом море и нередко гибли [Киселев, 1974, с.352-353]. Это была жизненно важная для фронта и страны деятельность, не случайно колхозникам-рыболовам давали бронь, как это было с отцом Г.Ф. Белошицкой – Федором Евдокимовичем. В «Истории семьи Жидких» есть четыре самостоятельные новеллы – из рассказов отца о происшествиях, связанных с этим временем. Основу всех рассказов составляет избавление от смертельной опасности – благодаря «слушаю» («чуду») или героическим и профессиональным действиям человека. Один сюжет показывает, что опасность могла исходить от «своих» – представителей органов НКВД. В известных обстоятельствах анекдотическое, казалось бы, происшествие оказывается сопряженным с большими неприятностями. Во всех случаях спасения людей Галина Федоровна видит глубокое основание, усвоенное с детства от старших: «*Господь хранил мирных людей, по молитвам их матерей. А молитва матери «в огне не горит и в воде не тонет» – так всегда говорила наша бабушка.*

Женщины, выполняя и свои, и мужские функции, работали на тонях. Оттуда рыбу доставляли на Кандалакшский консервный завод – одно из знаменитых предприятий пищевой промышленности советского времени. О социально-психологической обстановке военных лет свидетельствуют упоминания о том, что на тоне постоянно был военный охранник, поскольку соседство железной дороги и границы значительно усиливало опасность диверсий, а также рассказ о транспортировке рыбы по тонкому льду залива: если лед не выдерживал, сопровождавшего улов ждал суд. И снова – то, что маме Марии Михайловне удалось избежать такой участи, Г.Ф. Белошицкая, очевидно, справедливо, объясняет исключительно Божьей помощью.

Тыловой быт и труд женщин и детей – это особый аспект истории Великой Отечественной войны. Как известно, Кандалакша постоянно подвергалась бомбардировкам, предприятия работали, население частично эвакуировалось. Если свидетельства историка или мемуариста-«эксперта», который занимался руководящей работой, представляют обобщающий, систематизирующий определенные факты «взгляд сверху» (время бомбардировок, объекты, потери, организация противовоздушной обороны и т.п.), то живые семейные воспоминания видят те же факты в совсем иной плоскости – в непосредственном приближении и опосредованно, через личные драматические и бытовые обстоятельства: «*Мама потеряла мертворожденного ребенка, так как в одну из бомбёжек, прячась под печкой, она сильно ударилась. Одна из бомб упала в 100 метрах от нашего дома и угодила она в Саввинский угор. Село спасло только то, что основная сила взрывной волны ушла в море, но стекла все же были выбиты во многих избах и кое-где разрушились печки.*

Эвакуация населения области осуществлялась через Кандалакшский порт морским путем в Архангельскую область [Елисеев, 1985, с.27-28]. Туда же отправляли семьи многих кандалакшан. Проблемы эвакуированного населения

до сих пор можно изучать преимущественно по устным источникам, в исследованиях им пока не находится должного места. Речь всегда идет только об организации эвакуации предприятий. По свидетельству Г.Ф. Белошицкой, многие эвакуированные земляки, в том числе близкая родственница, погибли от голода в Архангельской области. Старшие опытные члены семей могли предвидеть такую опасность. В более благоприятной ситуации оказались жители Кандалакши, имевшие родственников в селах соседнего Терского района. Там было относительно безопасно, поэтому руководство города организованно вывозило туда школьников в летние месяцы [Там же, с.60-61]. Галина Федоровна считает, что волевое решение бабушки отправить невестку с детьми к ее родным в с.Умбу Терского района и запрет ехать в эвакуацию спасли им жизнь.

«История семьи Жидких» может служить хорошим источником для изучения повседневности прифронтового поморского городка (по сути – поселка) военных лет. Описаны различные подсобные занятия жителей, образ жизни детей и подростков, особенности ведения домашнего хозяйства, питания, оказания медицинской помощи и многое другое. Детские впечатления удерживают в памяти отдельные предметы – символы времени: *«радио в виде черной тарелки»*, окна, заклеенные бумагой крест-накрест. Только женщина может разделить историю на периоды такими бытовыми вещами, как тип занавесок: *«помню, висели занавески из газет. Мама их умело вырезала красивыми узорами. Потом, когда закончилась война, люди стали жить получше, появились марлевые занавески вместо бумажных. И уж потом тюлевые»*. Женский взгляд на историю – это всегда взгляд сквозь призму бытовых подробностей, состояния близких, атмосферы домашней жизни и т.п.

Особенной детальностью отличается описание жизни в послевоенный период, конец 1940-х – 1950-е годы. Для автора это было время отрочества и юности, совпавшее с завершающим этапом существования Кандалакши как сельского поморского поселения. Если в рассказе о предшествующих годах, Галина Федоровна во многом опирается на слышанное от старших, то об этом времени она пишет по собственным впечатлениям, передавая как фактические обстоятельства изменявшейся реальности, так и свое эмоционально пережитое восприятие окружающего. Всегда интересно проследить, какие события политической, экономической, социальной, культурной и т.д. истории страны попадают в семейную хронику, остаются в памяти членов родственной общности. Это означает, что ими вызваны, с ними связаны или совпадают по времени важные изменения в семейной жизни, переживания, отдельные случаи и т.п. В биографических главах семейной хроники Г.Ф. Белошицкая использует «летописный» прием, отмечая важные для семьи даты, под которыми указываются события. Естественно, даты во многом повторяются, поскольку они имеют отношение к семье в целом. Можно заметить, что по плотности событий два послевоенных десятилетия оказываются самыми насыщенными. День Победы является рубежным как в национальной истории, так и в истории практически всех семей. Как правило, воспоминания сохраняют момент получения известия об окончании войны: где это было, кто принес новость и т.п. Так и в хронике семьи Жидких. По силе эмоционального переживания с этим событием может отчасти сравняться отмена карточной системы распределения продуктов в 1947 г. *«К нам прибежала другая наша бабушка Антонина (мамина*

мама) и сообщила эту радостную весть – пишет Г.Ф. Белошицкая. – Бабушки обнялись и плакали». Также «особенно ярко вспоминается 1948 год», когда произошло землетрясение в Ашхабаде. Запомнилось это событие благодаря тому, что в доме появились беженцы из Средней Азии и произвели своим бедственным видом очень сильное впечатление.

Главными событиями семейной истории являются переломные моменты жизни родственной группы: браки, рождение детей, получение ими образования, перемена мест работы, строительство нового дома, болезни и смерти близких. Независимо от того, радостные они или трагические, такие события всегда сопряжены с переменой образа жизни, статуса семьи, определенным напряжением и т.п., поэтому специалисты в области изучения семьи объединяют их понятием «семейного стресса» [Boss, 1988, р.27-29; McHenry, Price, 1994, р.9-11]. Форма, которую принимают эти события, их переживание, адаптация группы к переменам зависят от многих внешних и внутренних факторов. В частности, очень важно, насколько семья может мобилизовать свои внутренние ресурсы, возможности – не только экономические, но культурные, психологические, социальные. Многое зависит от семейных духовных ценностей, от отдельных личностей. В семье Жидких, как и во многих семьях, личностью, на которой многое держалось, была бабушка. Не случайно утверждение Г.Ф. Белошицкой: «Бабушка сделала все, чтобы вытащить нас из войны». Александра Филатовна (Феофилактовна) Жидких, как об этом можно судить по «Истории», была организационным центром семьи, принимала жизненно важные экономические решения, создавала домашнюю атмосферу защищенности, являлась главным семейным воспитателем, лекарем и т.д.

Кризисными для семей были отнюдь не только военные годы. Текст семейной хроники является очень информативным источником по истории экономики семей в советское время на разных его этапах. По существу, это была «экстремальная экономика», естественно, со своими подъемами и спадами. Самыми тяжелыми годами для семьи автор считает начало 1950-х. Экономическое благосостояние зависело от места работы и заработков мужчины – главы семьи, социально-экономической политики государства, от состава семьи и жизненного этапа, на котором она находится, от возможностей ведения подсобного хозяйства и много другого. У семьи Жидких осложняющим обстоятельством было наличие в этот период маленьких детей в семье. Заработка колхозников были ничтожны, возможности поиска дополнительной работы у членов колхоза ограничены законодательством, рыболовство, а также охота оказались нелегальными промыслами. В одно и то же время семье пришлось решать множество проблем: искать источники дохода, расширять жизненное пространство (строить новый дом), растиль маленьких детей и бороться с их болезнями и даже пережить смерть одной из малюток. В этой ситуации социальный статус и место работы отца имели первостепенное значение. Являясь колхозником, отец переходит работать с морского флота в Мурманске на должность моториста в Кандалакше. Из его мурманских заработка семье удалось накопить денег на строительство нового дома, но экономическое состояние явно ухудшилось, добавились несчастья, связанные с детьми. Место, на котором начали строить новый дом, Г.Ф. Белошицкая называет несчастливым – по ассоциации со временем, переживаемым семьей.

В такой ситуации семья нуждается в социальной помощи, но для поморов, всегда самостоятельных, имевших стабильные хозяйства и отличавшихся чувством собственного достоинства, принять помощь психологически сложно: «*Как-то школа, учитывая низкий доход семьи, выделила для Лени и Тани пальто и валенки. Но это было так стыдно получать, что мама отказалась вначале от помощи, говоря, что сами все купят, но потом учителя убедили взять эти вещи*».

Интересной исторической подробностью является упоминание о том, как Ф.Е. Жидких – отец шестерых детей – пытался судиться с колхозом и выйти из него. В 1952-1953 гг. это было практически невозможно, но сам факт свидетельствует о том, что отдельные люди пытались противостоять тому, что сейчас принято называть «колхозным рабством». Если обращение в судебные инстанции является попыткой решить проблемы жизнеобеспечения семьи легитимным путем, то иную стратегию представляет «внезаконная» промыслово-хозяйственная деятельность. Для поморских семей она всегда оставалась главным средством существования или «выживания». «Браконьерство», благодаря которому удавалось поддерживать уровень жизни, – это, по сути, традиционный способ рыболовецкого хозяйства поморов, рационально организованный, поддерживающий равновесие человека с природой, связанный с определенными социальными отношениями и культурой. В ситуации жесткого государственного контроля над ресурсами традиционное природопользование превратилось в «теневую экономику» и стало одной из форм негласного противостояния семьи (как института) и государства. Семья не имеет возможности отказаться от привычного способа жизнеобеспечения, и ее жизнь фактически начинает развиваться по законам авантюрно-криминального сюжета. Он складывается из ряда рассказов о том, как тайно занимались ловом семги, обеспечивали лояльность «нужных» людей, или о том, как отец однажды убил лося, и мать с дочкой, испытывая большой страх, пытались спрятать шкуру, а мясо для приготовления еды впоследствии доставали с опасением. Один из рассказов очень похож на сказку из группы сюжетов о хитрых и ловких людях – рассказ о диалоге девочки с работниками рыбнадзора, которые так и не смогли ее оштрафовать. Выловленная в нарушение закона рыба шла, в основном, на продажу и продавали ее людям «надежным» и «нужным». Таким образом, распределение улова соответствовало сети ближайшей социальной поддержки семьи. Она складывается из родственно-дружеских связей и включает лиц, статус которых обеспечивает семейное благополучие или, по крайней мере, безопасность. Это классические отношения дарообмена, или «рецепрокации», которые обеспечивают социальное равновесие группы путем взаимопомощи.

Положение семьи Жидких улучшилось, когда отец перешел на работу в государственное учреждение – Кандалакшский заповедник. Помимо повышения социального статуса, эта перемена обеспечила расширение хозяйственных возможностей, поскольку заповедник выделял своим работникам сенокосные угодья. Этим и ознаменован в семейной хронике 1954 год. Страницы, на которых описан день сенокоса на острове Докучеиха, относятся к одним из самых лирических и светлых в тексте, несмотря на то, что тогда семья пережила большую опасность, попав в штурм. К таким же поэтическим фрагментам, которые передают атмосферу семейного счастья от совместного труда, пережитых страхов, от общения друг с другом и с природой, относятся

описания выезда с родителями на лов рыбы на Лупчеостров, зимнего вечера, проведенного мамой и дочкой на тоне, поездок с бабушкой на острова за ягодами и некоторые другие.

Для сплоченной трудовой семьи очень значимыми являются события, связанные с достижениями и этапами взросления детей. В семейной хронике под 1946 годом отмечено, что «старшая дочь Валентина по окончании 3 класса была премирована за отличную учебу путевкой в Пионерский лагерь «Артек». Надо отметить, что, несмотря на невзгоды, испытанные семьей, автор избегает распространенной в наше время резкой критики по отношению к советской власти и выраженных эмоциональных оценок, ее позиция как повествователя отличается терпимостью и «эпической» объективностью. В частности, Г.Ф. Белошицкая замечает, что «о детях войны правительство беспокоилось. Нам проводилось медицинское обследование, выдавались путевки в санаторий, выдавали рыбий жир и гематоген. Это конечно немногого, но и страна-то лежала в разрухе после войны». Дети семьи Жидких использовали возможности получения образования и во многом осуществили мечту старших. Так, 1953 год был ознаменован и тем, что старшая дочь поступила в высшее учебное заведение в Мурманске, и это «была такая гордость для всей семьи». По мере того, как дети вырастали, получали профессии, обретали собственные семьи, «прошли и трудные напряженные годы», – это о годах 1960-х, когда жизнь семьи стабилизировалась.

Семейная история впитывает в себя события местного масштаба, которые, с одной стороны, отражают ситуацию в различных сферах жизни страны в то или иное время, с другой стороны, связаны с судьбами родных и земляков. Так, Г.Ф. Белошицкая включает в «Историю» дату открытия школы в Кандалакше – 1889 год. Она хорошо помнит ее еще и потому, что в том году «бабушке исполнилось 7 лет. Она настояла, чтобы ей разрешили в школу, но ходила в нее только один день». Символическим событием в истории предвоенной Кандалакши было разрушение церкви Иоанна Предтечи (XVIII в.), которая не только была замечательным памятником северного храмового зодчества, но, прежде всего, центром религиозно-духовной жизни и историко-культурным символом поселения. Многие проблемы в жизни современного города верующие кандалакшане связывают с «наказанием» за грех уничтожения храма. В Предтеченской церкви крестились, венчались, отпевались девять поколений семьи Жидких, на протяжении полутора веков в ней служили представители одной из ветвей рода. В 1947 г. в городе была устроена акция: сжигали церковные иконы, остававшиеся после закрытия храма. Так получилось, что Галина Федоровна, тогда шестилетняя девочка, оказалась свидетелем и участницей события. Более того, по ее предположению, вынесенная ею с пожарища икона была лицом Иоанна Предтечи.

Вся жизнь поморского села связана с морем, а значит – с опасностью. Случай трагической гибели земляков в море составляют особый сюжет истории поморского села. Рассказы о них не просто сообщают сведения о событии, но демонстрируют особые условия жизни поморов. Смерть в море имеет символический смысл, далеко не всегда тела погибших находят, и до известной степени такое завершение жизненного пути является «естественному» для поморов. Показательными являются истории о спасении гибнущих – «чудом», «по молитве» и благодаря помощи людей. В последнем случае они являются

подтверждением солидарности земляков. Таких историй в повествовании А.Ф. Белошицкой несколько. Они связаны и с родственниками, и с односельчанами. Кроме того, текст содержит ряд интересных рассказов о перипетиях жизни отдельных людей, индивидуальных судьбах. Это тоже своеобразные свидетельства времени. Яркий пример – история о «хитром поморе», дьяке села Ковда С.Л. Чалкове, который, благодаря смекалке, спасся в немецкой душегубке времен Первой мировой и был отпущен из плена.

В целом, текст «Истории» содержит большой объем биографической информации о разных людях. По ней можно проследить жизненные траектории членов поморских семей, которые учились, служили в армии, создавали семьи, переезжали (большой частью, временно). Это источник для изучения брачных связей, профессиональной, социальной и территориальной мобильности населения и многоего другого.

Повествование о жизни и быте одной семьи фактически представляет историю на разных ее уровнях. Оно содержит сведения об отдельных людях, семьях, судьбе поселения Кандалакша и одновременно отражает процесс «макроисторических», цивилизационных изменений. Важной вехой перелома был ввод в действие электростанции Нива ГЭС-3, после чего «река сильно обмелела, так как воду ее пустили в подземный канал. Исчезло и семужье стадо». Это означало свертывание промысловой деятельности, основанного на нем образа жизни и определенных социальных отношений. И все-таки поморская общность села Кандалакша, ставшего к тому времени периферийным городским районом, сохранялась. До тех пор, «пока не началось строительство новых причалов морского торгового порта. Дома древнего поморского села стали сноситься, жители переселялись в городские квартиры, и большая часть села была уничтожена даже там, где территория порта не проходила». Происходило это в начале 1980-х. И в настоящее время на месте крепкого поморского дома семьи Жидких находится котлован, на краю которого еще удерживается корнями березка, посаженная когда-то девочкой Галей.

* * *

«История семьи Жидких» полноправно должна рассматриваться как источник по этнографии поморов Кандалакшского берега Белого моря. Повествование имеет отчетливую этнографическую направленность. Сочетая свойства генеалогической хроники и свободных биографических мемуаров, текст включает в себя элементы этнографических очерков, в которых описываются различные стороны промыслового и семейного быта кандалакшан. В ряде случаев автор прямо указывает на то, что одной из ее целей является описание бытовых реалий: орудий и способов лова рыбы, предметов повседневного обихода, построек. «Хотелось бы описать амбар...», – пишет, например, Г.Ф. Белошицкая и фактически принимает на себя роль этнографа, описывающего уходящую крестьянскую культуру читателям новейшего времени. Просветительская установка автора сказывается и в том, что она приводит объяснения многих слов, обозначающих не только поморские, но и общие этнографические понятия. Ее поколению такой «перевод» был не нужен, а потомкам он просто необходим. Ведь даже в случае закономерного исчезновения этнографических предметов, построек, ухода традиционных обычаем из реальной жизни они могут и должны сохраниться как факты культуры, а это возможно, прежде всего, в слове.

«История семьи Жидких» может служить своего рода энциклопедией поморского хозяйственного быта, особенно всего, что касается разных способов лова рыбы. Подробно описывается зимний (подледный) и летний лов сельди неводом, как «кололи» (с помощью остроги) семгу, ловили ее сетями. Особенностью описаний является то, что сделаны они на основе живых воспоминаний участника, носителя поморской культуры. Для автора все эти виды деятельности являлись привычными, а обыденное и повторяющееся, как известно, лучше всего удерживается в памяти, поэтому всю информацию можно считать надежной и точной. Текст содержит описание и самих действий, и орудий лова. В ряде случаев оно сопровождается рисунками и схемами – для наглядности. Не будем перечислять все элементы этнографической реальности, поскольку они содержатся в тексте. Отметим лишь особенности описаний данного типа. В рассказе о рыбной ловле описывается не только последовательность действий, место и обстановка, использование орудий лова, но и непосредственное восприятие происходящего: *«Вот на гладкой поверхности губки начинают появляться кружочки там, тут. И вот уже вся гладкая поверхность кипит как от дождя. И тут не зевай, не громыхни ничем: ни камнем, ни сапогом, ни веслом. Невод заранее укладывался очень аккуратно, как парашют, чтобы во время метания ничего не мешало, не зацепилось»*. Отметим, что точность этнографических описаний во многом зависит от способа изложения, литературных возможностей автора. Повествование Г.Ф. Белошицкой, безупречное с точки зрения литературности, стремящееся к языковой точности, умеренно использующее образы, является примером того, что в социальной антропологии называют «интерпретацией первого порядка» [Гирц, 1997, с.184]. Перед нами записанный опыт, в котором все значения действий, предметов, отношений, слов и т.д. находятся «на своих местах», в рамках описываемой культуры. Через отношение автора, а не общие формулировки передается характер изменений, которые произошли с хозяйственным комплексом поморов: *«...на рыбалку <...> ехали работать, чтобы прокормить семью, а не отдыхать, как делают многие теперь»*. Так отмечается перемена функции традиционных занятий. Рыболовство всегда являлось для поморов основной жизнеобеспечивающей деятельностью. Затем, когда рыболовы и их потомки стали работать на производстве, в госучреждениях и т.п., оно стало промыслом. Вместе с тем, не являясь главным источником дохода, рыболовство фактически продолжало составлять основу жизнеобеспечения. В ходе дальнейших социально-экономических преобразований оно превратилось в досуговое занятие, профессионализм сменился любительством, которое относится, скорее, к сфере рекреации и характеризуется потребительским отношением к природе.

Вспомогательным занятием населения было скотоводство: держали главным образом коров, овец. В 1915 г. побывавший в Кандалакше служащий Б.А. Риппас отметил: «В летнее время овцы сохраняются на островах, а зимой их кормят тем же, чем коров» [Риппас, 1915, с.5]. Описание того, как овец вывозили на острова, является одним из самых ярких и относительно самостоятельных фрагментов «Истории семьи Жидких». В него включены эпизоды, связанные с поиском овец, использованы диалоги, и все повествование проникнуто любовью к животным, природе, односельчанам. Далее следует рассказ о гибели овец и прекращении в 1970 г. островного выпаса из-за невежества приезжего работника порта, нежелания считаться с обычаями местного населения. Это трагическое событие можно воспринять как символическое.

Естественно, что в описаниях домашнего быта, будничных, выходных и праздничных дней обязательно присутствует пища. Основу питания поморов составляла рыба, также распространены были разнообразные специфические виды выпечки (рыбники, шаньги, калитки и т.д.), из овощей на первом месте была репа. Эти особенности рациона достаточно хорошо описаны в этнографической литературе [Бернштам, 2009, с.74-81]. Текст «Истории» замечателен тем, что дает представление о питании одной семьи в разные периоды времени, в нем рассказывается о том, как готовились и подавались на стол те или иные блюда, как менялся состав пищи в зависимости от сезона, исторического времени и ситуации. Описывая праздничный стол или ситуацию приема гостей, Г.Ф. непременно отмечает, что не было ни вина, ни водки; а если в праздник и был алкоголь, то это домашняя брага, причем «женщины не пили совсем, мужчины пили в меру». Можно наблюдать, как в период разрушения традиционного поморского хозяйства блюда поморской кухни постепенно из повседневных становились праздничными. Они превращались в продукт для обмена (торговли), самим членам семьи доставались по «остаточному» принципу и, наконец, «остались в детстве», то есть в другом времени – как воспоминание. Прежде всего, это касается семги, которой славятся Кандалакшский и Терский берега: «Наваристая семужья уха и большие куски отварной красной рыбы, дымящиеся в большом блюде на столе, кулебяки с семгой, красная икра (но на столе она была редко, все уходило на продажу) – это все осталось в детстве, пока был жив и здоров отец».

Как обычно в этнографических описаниях, главным местом дома является печь. С ней связаны все сферы жизни, и она выполняет наибольшее количество функций: «Она занимала четверть избы и выполняла функции спальни, игровой площадки для детей, местом лечения, сушилкой для обуви и одежды, местом душевых бесед и сказок», а в годы войны была еще и бомбоубежищем.

Быт поморской семьи представлен в разнообразных повседневных занятиях, в том числе обиходных, связанных с поддержанием чистоты и здоровья, с использованием тех или иных предметов и уходом за ними. На чистоту в поморских домах обращали внимание, кажется, все без исключения этнографы, путешественники, побывавшие в этих местах. В начале XX в. один из них писал: «Поморы заботятся, главным образом, о том, чтобы все необходимое в их жизни было прочно, чисто, удобно» [Попов, 1910, с.45]. Другой отмечал почти два десятилетия спустя: «Внутри жилье приятно поражает порядком и аккуратностью, свидетельствующими о культурных привычках населения. В самой обыкновенной избе, обставленной с самой скромной простотой, все, однако, имеет такой вид, как будто бы хозяева приготовились к встрече большого праздника» [Никольский, 1927, с.29]. Эти и подобные высказывания вспоминаются, когда читаешь подробное описание того, как внучки под руководством бабушки чистили икону, или о том, как в праздники «в доме была особая какая-то чистота и порядок». С этнографической точностью, перечнем предметов, действий, обстановки описан процесс зимней стирки, сушки и отбеливания белья: «Я помню эту детскую ванну-корыто, стиральную доску-гармошку, бак для кипячения белья, а полоскать белье приходилось на речке. <...>. На реке мужчины вырубали прямоугольную прорубь, и женщины села все приходили сюда полоскать белье.

<...>. Для отбеливания белья сельские женщины раскладывали полотенца, простыни, наволочки на чистом льду под весенним солнышком» и т.д.

В «Истории семьи Жидких» есть данные о народной медицине. Целительством занималась бабушка, и в повествование вошло несколько описаний конкретных случаев лечения болезней народными средствами, которые, собственно, и являются «традиционными». Там, где неправлялись медики, могли помочь прогревание в протопленной печи, морская соленая вода, щелок и, конечно, молитва. Автор пишет и о медицинских знаниях отца, особенно в области оказания неотложной помощи, об экстренных случаях, когда их приходилось применить, иногда – к удивлению профессиональных врачей.

Источник содержит ценные сведения о поморском жилище и подсобных постройках. По мнению этнографов, «будучи в целом северорусским с вариантами комплексом, жилище и хозяйственное построек Поморья отличались в основном развитием промыслово-рыболовецкой части усадьбы. Интересно, что, несмотря на эту специфику, требовавшую особых сооружений, помещений и т.п., количество сельскохозяйственных строений на Поморском, Карельском, Кандалакшском берегах составляло в среднем 1:1.6, т.е. было несколько выше, чем во многих местностях центральной России» (по данным В.В. Никольского, 1927 г. [Бернштам, 2009, с.51]).

Галина Федоровна изобразила на схеме и описала организацию зедовского дома, который состоял из четырех изб. Как известно, в XIX-XX вв. «повсеместно в Поморье существовали названия «дом» и «изба» в качестве обозначения всего комплекса дома-двора, но при этом избой назывались также либо помещение с печью <...>, либо любая комната дома» [Там же, с.40]. На Севере раньше, чем в других регионах расселения русских, дома стали многокамерными. Дом Жидких – пример такого большого дома для «большой» (неразделенной) семьи. По устному свидетельству Г.Ф. Белошицкой, в определенный период времени какая-то из «изб» (частей дома) могла пустовать – до тех пор, пока кто-то из взрослых детей не обзаводился своей семьей. Такое устройство жилища полностью соответствовало структуре семьи. Т.А. Бернштам, обобщая историко-этнографические данные, писала: «...разделы в Поморье, да и вообще на Севере стали частым явлением лишь в начале XX в., до этого времени традиционная для севера большая семья имела от одного до трех домов, объединенная общим хозяйством и представлявшая семейную общину» [Там же, с.32]. «История семьи Жидких» подтверждает, что до середины XX в., пока сохранялись, хоть и в редуцированном виде, элементы традиционного хозяйства и образа жизни, не происходило полного разделения семей. О родительском поколении автор пишет: «Работали братья, жили рядом, ловили рыбу, а детей оставляли под присмотром матери, нашей бабушки Александры Филатовны».

В тексте Г.Ф. Белошицкой даются не только описание, оценка, но фактически и анализ структуры традиционной поморской семьи и семейных ролей в их динамике. Лишившись старшего мужчины, подобно многим российским семьям XX века, которые в войнах и прочих социальных катализмах утратили кормильцев, семья Жидких фактически возглавлялась женщиной – бабушкой. Даже когда у взрослых сыновей стали создаваться свои семьи, «всем хозяйством руководила бабушка, сыновья свою зарплату отдавали ей, а уж она решала, кому что купить и как прокормиться». Все важные

решения принимались главой семьи и дополнительно обсуждались на семейном совете. Высокий статус и относительно независимое положение поморской женщины в разные исторические периоды отмечали почти все исследователи и бытописатели. По мнению историков, такому положению способствовал, в частности, промысловый тип хозяйства [Безгин, 2001, с.210-211]. Как пишет Т.А. Бернштам, в силу естественных факторов – гибели на промыслах, «морских» заболеваний – был численный перевес женщин, особенно начиная со зрелого возраста 30-40 лет, к старости перевес увеличивался, «старух в Поморье было чуть не втрое больше стариков. Поэтому издавна возник ряд специфических женских промысловых ролей» [Бернштам, 2009, с.215]. Она же отметила, что в Поморье практически не было проблемы «прокорма стариков», поскольку до преклонных лет люди занимались если не морским промыслом, то озерным и речным ловом. К этому можно добавить и другие хозяйствственно важные занятия, которыми занималось старшее поколение, и они наглядно продемонстрированы на примере семьи Жидких. Г.Ф. Белошицкая остроумно замечает, что, когда бабушка уже не занималась общим хозяйством, все-таки «*в силу многолетней привычки руководить, выделила себе из общего стада овечку и курочку, и когда курица не несла яица, бабушка подозревала в этом невестку*» (замечательный пример традиционного типа отношений свекрови и невестки). В отношении же домашнего воспитания Галина Федоровна констатирует: «*Мы росли под бабушкиной опекой, контролем и критикой*». Думается, последнее утверждение никак не связано со спецификой поморской семьи. Если не каждый, то многие из тех, кто вырос в семье, в которой есть бабушка, очевидно, скажут так же.

С течением времени семья стала постепенно разъединяться, прежде всего экономически, в силу различий профессионального статуса внутри поколения. Это, в свою очередь, сказалось на структуре семейных отношений и образе жизни «дочерних» семей: «*Хотя и рядом братья жили и работали, а семейный бюджет сильно различался. Павел и его жена Нина Ивановна – государственные служащие (электромонтер и бухгалтер), получали зарплату, плюс полярные надбавки, плюс коэффициент. Семья же Федора – колхозники. Отец работал наравне со всеми, а получал по трудовым дням копейки, без полярных надбавок и коэффициента. Чтобы прокормить семью приходилось много работать*». Относительно автономным становился быт каждой из семей. В частности, за детьми начинают ухаживать отдельно (в разных избах и с приглашенными няньками). При этом, как утверждает Г.Ф. Белошицкая, при всех обстоятельствах, жили братья и их семьи дружно – следствие семейного воспитания. Можно предположить, что так было не во всех семьях, в которых произошла социальная дифференциация.

За семейную атмосферу традиционно отвечают женщины. Автор пишет, что ее бабушке и маме «*куда велось создавать в доме атмосферу душевности и понимания, ответственности и взаимовыручки, что в наших детских душах сохранилось на долгие годы до нашей старости и позволило нам жить дружно рядом всю жизнь на удивление современным семьям*». Данное утверждение свидетельствует о том, что какой бы сплоченной ни была локальная общность, семья имеет собственную идентичность и может противопоставить себя другим таким же семьям. Кроме того, «современные» семьи сопоставляются с «семьей в прошлом» – в пользу последней.

Суждения автора основываются, прежде всего, на нравственной оценке. В «Истории семьи Жидких» люди, поступки, отношения характеризуются

с позиций народной, христианской, трудовой, колективистской этики. Ее можно назвать «этикой солидарности», и распространяется она на все сферы жизни сельской и семейной общностей. Нравственно-поведенческие нормы касаются хозяйственной деятельности: культуры рыболовства, ведения домашнего хозяйства, отношения к домашним животным. Отношения между односельчанами основываются на взаимной поддержке и оцениваются как доброжелательные и доверительные. Показательными аргументами служат незапертые двери, к которым приставлен веничик, если хозяев нет дома, и обычай ходить в гости без приглашения. «Неписанным законом» поморов был обычай делиться уловом с родными и соседями, особенно теми, у кого в силу возраста, здоровья, состава семьи и т.п. были ограничены возможности лова. «Поморский закон» взаимопомощи подтверждают и рассказы о случаях спасения тонущих. Один из них особенно примечателен с точки зрения этических норм, которые усваивались с детства: дети спасают троих взрослых мужчин, и тринацдцатилетний подросток, останавливая молодого мужчину, командует, что первым будут поднимать из лодки старшего по возрасту.

В семейной хронике много говорится о воспитании. Это естественно. Во-первых, автор – педагог по профессии, во-вторых, основное содержание «Истории семьи» связано с периодом ее детства и отрочества, в-третьих, жанр произведения, его целевая направленность предполагают обращение старшего поколения к младшему. С высоты настоящего жизненного и профессионального опыта Галина Федоровна очень просто определяет главную воспитательную стратегию своей семьи: *«Нас воспитывали трудом, своим личным примером трудолюбия, в послушании старшим»*. По ее мнению, добродетели послушания и уважения к старшим «заложены в христианском воспитании детей». Таким образом, семейное воспитание в «классической» (патриархального типа) семье имеет два основания трудовое и религиозное. В самом повествовании можно проследить известное гендерное распределение этих начал. Трудовые навыки, связанные с ловом рыбы, дети получают благодаря обоим родителям, прежде всего отцу. В частности, он обучает старшую дочь обращаться с лодочным мотором, ставить сети, заниматься подледным ловом. Вместе с тем, рыбачат все члены семьи: *«...бабушка всегда сидела за кормовыми веслами, а носовыми гребли внучки Валя и Шура (им было соответственно по 11 и 10 лет), я сидела на середине лодки, мне было лет 5-6, но грести веслами я уже умела хорошо»*. Г.Ф. Белошицкая неоднократно подчеркивает, что дети участвовали во всех хозяйственных делах, будь то промысел, уход за животными, сбор ягод или работа по дому. Приобретение соответствующих знаний и навыков, таким образом, осуществлялось через совместную деятельность и подражание, как это всегда происходило в крестьянских семьях.

Результаты такой системы воспитания демонстрируют характеристики членов семьи Жидких, мужчин и женщин. Перечень того, чему научилась с детства бабушка в своей семье, представляет все основные функции поморских женщин: *«уход за коровой, лошадью, овечками, курами, умение заготавливать корма для них, их сохранность. Снятие шерсти с овечек и обработка ее вплоть до шерстяных вязаных изделий. Умение изготавливать молочные продукты. Ставить сети на треску и селедку. Умение сохранить, продать, засолить улов. Умение пользоваться лодкой, веслами и парусом. Выпечка хлеба, заготовка продуктов на зиму, заготовка дров. Навыки обихода в доме. И во всем этом глубокая Православная вера»*. В образах бабушки и

мамы воплощается идеал поморской женщины в его этнографической конкретности. Поморка – это особый женский тип, в котором сочетаются физическая и моральная сила с душевностью, и на это обращали внимание бытописатели: «...о поморках можно сказать, что они здоровы и выносливы, несмотря на то, что часто подвергают себя лишениям в области питания, так как строго соблюдают посты. Поморки очень сердобольны, мягкосердечны, ласковы. Они свою речь постоянно и щедро пересыпают такими эпитетами, как «красно солнышко», «дружок», «петушок» и т.д. [Попов, 1910, с.44]. В последнем легко убедиться, если обратить внимание на особенности говора бабушки и мамы, очень хорошо переданные в тексте в прямой речи, а также на авторскую речь, в которой много уменьшительно-ласкательных форм, особенно, когда Г.Ф. Белошицкая описывает любимых ею людей, природу, животных.

Мужской тип ярче всего представлен в образе отца, который имел несколько профессий, обладал разносторонними умениями, в том числе требующими специальных знаний, а также отличался стойкостью, смелостью (достаточно случая в НКВД и судебного разбирательства с колхозом, не говоря о том, что он годами занимался опасной нелегальной промысловой деятельностью) и жизнелюбием. Он лучше многих односельчан знал ход рыбы в заливе, «очень хорошо *объезжал* молодых жеребцов, <...>, умело он *справлялся* на нашей реке *Ниве со сплавом леса*, <...>, был и хорошим охотником <...>. Любил петь песни, знал их много, как и все поморы, <...>, смог себе *оказать первую медицинскую квалифицированную помощь* <...>. У него было великолепное чувство юмора, а шуток и прибауток он знал много» и т.д. Образ отца воплощает такое качество характера, которое связано с локальной идентичностью и определяется как «поморская предпримчивость». Умение не растеряться в критической ситуации и найти выход из нее, житейская практичность являются чертами этого типа характера. Он отличается высокой адаптивностью к физическим неудобствам, меняющимся условиям жизни. Очень показателен эпизод из детства отца, когда он, поставленный в школе за непослушание на колени на горох (типичная для своего времени форма наказания), «*подложил под колени рукавички, чтобы было не больно*». В этом отношении рассказ о находчивом поморе, выжившем в газовой камере, представляет полную аналогию.

Поморская «предпримчивость» и с внешней точки зрения (этнографов-наблюдателей), и с внутренней (самооценки) рассматривается и в прямом, экономическом, аспекте. В любые, даже самые кризисные времена поморам удавалось сохранить относительную хозяйственную стабильность, поддерживать жизнь на достойном уровне или, по крайней мере, не демонстрировать бедственное положение, если оно таким оказывалось. Судя по этнографическим описаниям XIX – начала XX вв., а также советского времени, поморы всегда производили впечатление благополучное, особенно в сравнении со многими другими местностями России: «Характер помора – энергичный, смелый, предпримчивый. Вообще говоря, поморы люди большую частью зажиточные. Немало среди них и настоящих богачей» [Попов, 1910, с.43]; «Внешний вид рыбакского селения производит впечатление зажиточности и не может идти в сравнение с сельским видом, например, в центральной России» [Никольский, 1927, с.29] и мн. др. Не случайно один из племянников Г.Ф. Белошицкой, ставший в новое пореформенное время активным предпринимателем, «*считает, что черты предпринимателя достались ему от предков*».

Духовное начало поморской семьи связывается, в первую очередь, с православной религиозностью. Она характеризует прежде всего, бабушку, которая «*знала все православные праздники, многих святых, молитвы, соблюдала все посты и наизусть читала даже выдержки из Библии*». В семье хранится рукописный документ – список лиц, которые отказались подписаться под решением о закрытии церкви. Среди них Мария Михайловна Жидких. Как пояснила Г.Ф. Белошицкая, подписывать эту бумагу невестке запретила бабушка. Знак времени – интерьер дедовского дома: «*У них в доме в красном углу были иконы, завешенные занавесками, а ниже на стене приколоты портреты Ленина и Сталина. Дед верил в Бога, но и должен был считаться с тем временем, в котором жил*». Поколение внуков уже не разделяло взгляды прародителей, на что сегодня Галина Федоровна смотрит не столько критически, сколько с пониманием и мягкой иронией. В эпизоде «полуподпольного» крещения внуков в 1946 г., которое было осуществлено, как и во многих советских семьях, по инициативе бабушки с обережными целями, хорошо передано детское восприятие этого события. А в воспоминаниях о семейных религиозных праздниках ритуальная атрибутика и «Божия благодать» ассоциируются с домашним уютом, теплом, запахом пирогов и, конечно, с «чистотой и порядком».

Укорененная поморская семья не может не являться носителем устной культуры своей местности, фольклора. Даже в литературной записи авторская речь передает черты севернорусского, поморского говора, особенности речевого общения. Так, в тексте обнаруживается (и объясняется) сохранившаяся в поморской речи старинная традиция именовать женщин по имени мужа: «Митчиха» – жена Дмитрия, «Геннадиха» – Геннадия. На Руси еще в XVII веке, до массового присвоения фамилий, таким способом чаще всего записывали женщин [Никонов, 1974, с.162]. Интересны примеры прозвищных наименований («микроантропонимов») с их объяснениями. Прозвища получают люди с яркой характеристикой, и мотивировка прозвища, как любого имени собственного, всегда исторична и социальна [Суперанская, 1973, с.245]. Объяснения прозвищ могут превратиться в рассказы о характере или биографии их носителей («Маньчжурия» – сельское прозвище деда, «скопа» – бабушки).

Многие истории о сельских событиях и односельчанах, включенные в текст, имеют фольклорную основу, прежде всего, по тому, как они рассказаны. Некоторые из них можно отнести к местным преданиям, или «меморатам» – рассказам, основанным на живых воспоминаниях, которые циркулируют, передаваясь из уст в уста, внутри определенной общности. В этом случае личные воспоминания становятся общим достоянием и в виде устных новелл пересказываются в различных ситуациях.

«История семьи Жидких» позволяет еще раз убедиться в том, что Поморье – край высоко развитой певческой культуры. Она отличает и семью Жидких, в кругу которой исполнялись народные лирические песни, баллады, романсы, а также популярные авторские песни советского времени. Заметим, что западнопоморская устная традиция (именно к этому ареалу относится Кандалакшский берег) имела свои отличия. Они связаны с более ранним, чем в других местностях, влиянием городского фольклора и книжной культуры [Бернштам, 2009, с.218-219]. Это особенно сказалось на песенном репертуаре, о котором можно составить представление по рассказу Г.Ф. Белошицкой, а также по текстам, которые публикуются в отдельном разделе настоящего издания.

Как и в большинстве семей, было принято рассказывать детям сказки – одно из самых светлых воспоминаний детства, оно связано с ощущением домашнего уюта.

Показателем общего культурного уровня поморской семьи XX в. является читательская культура. В описываемый период в большинстве российских семей, сельских и городских, была развита традиция чтения. В том числе распространено было чтение вслух, и не только маленьким детям, – традиция, которая, к сожалению, осталась в прошлом. Автор отмечает некоторые книги, запомнившиеся именно благодаря детским читательским впечатлениям и обсуждению прочитанного с братьями и сестрами, со взрослыми. Интересна ремарка, сделанная будто бы вскользь, о том, как отец, вспоминая своего отца и тоскуя о нем, выражал свои чувства, цитируя «Тараса Бульбу».

В заключение хочется отметить только некоторые литературные свойства «Истории семьи Жидких». Прежде всего, в ней четко выдержан жанр семейной хроники (летописи), которая соединяет исторический и биографический принципы построения и конструируется: а) по поколениям, б) по персонажам, в) с возможным при этом соблюдением хронологической последовательности. Отмечаются события индивидуальных жизненных циклов, из которых складывается история семьи, рода. В повествовании можно выявить «идеально-типичные» приемы создания исторических портретов представителей семьи. В нем тесно спаяны историко-семейный и этнографический пласти, причем обнаруживаются способы описания, характерные для этнографической литературы как вида [Бодрова, 2007; 2008]. Совмещение «эпичности», остраненности повествователя и субъективного начала оказывается, в частности, в том, что иногда автор пишет о себе одновременно и в первом, и в третьем лице, например: «Читала Галя, все внимательно слушали. Мне читать было очень интересно». Это не мешает восприятию текста, скорее, создает своеобразный внутренний диалог между Мемуаристом и Историком. Несмотря на заданность жанра, в повествовании выражен авторский стиль изложения. Он ощутим, прежде всего, в описательной части, например, в описаниях природы и ландшафта, которые, по субъективному восприятию, обладают особым обаянием: «остров Докучеиха представлял собой маленький мирок, где было все: еловый лес, березнячок, в середине острова был родничок, образуя небольшое озерко и вытекающий из него ручеек, небольшое болотце с морошкой, черничник» и т.д. К специфике стиля можно отнести и удачное включение в текст диалогической прямой речи, и употребление имен в их старинной форме (Феодор), и мягкую, иногда грустную иронию: «Первое время все животные: овцы, корова и лошадь приходили к своему двору. Не понимали глупые, что они уже колхозные», – и многие другие черты.

Думается, что информационный потенциал публикуемого текста этим далеко не исчерпан. Выявить и использовать его – дело специалистов различного профиля. Может быть, главное, чем привлекает «История семьи Жидких поморского села Кандалакша», – это неповторимость как ее содержания, которое передает единственный в своем роде исторический опыт семьи, так и авторского взгляда на вещи – одновременно «народного» и глубоко личностного.